

ISSN 0350–185X

UDK 808

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ
И
ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

КЊ. LXXV, СВ. 2

Уређивачки одбор:

*др Јасна Влајић-Појовић, др Рајна Драгићевић, др Најда Иванова,
др Владан Јовановић, др Александар Лома, др Алина Маслова,
др Софија Милорадовић, др Мирослав Николић, др Слободан Павловић,
др Предраг Пијер, др Слободан Реметић, др Јелица Сијојановић,
др Срејто Танасић, др Зузана Тојолињска, др Анајолиј Турилов,
др Викџор Фридман*

Главни уредник
Рајна Драгићевић

БЕОГРАД
2019

ISSN 0350-185X. – Кн. 75, св. 2 (2019), стр. 43–58

doi: 10.2298/JFI1902043L

UDK: 811.161.3'373

811.161.1'373

COBISS.SR-ID 282063628

Примљено: 22. маја 2019.

Прихваћено: 18. јуна 2019.

Оригинални научни рад

Александр А. Лукашанец
Национальная академия наук Беларуси

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (К ПРОБЛЕМЕ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ)

В статье с учетом особенностей исторического развития и функционирования современного белорусского литературного языка рассмотрены вопросы его лексической вариативности, охарактеризованы типы лексических вариантов и раскрыты причины и пути их развития; показано влияние внутриязыковой лексической вариативности на развитие и характер межъязыковой лексической вариативности (межъязыкового лексического параллелизма) в условиях близкородственного двуязычия; установлены основные типы различий соотносительных по значению лексических единиц близкородственных белорусского и русского языков и их роль в манифестации национальной специфики белорусского языка в сравнении с русским.

Ключевые слова: национальный язык, близкородственное двуязычие, языковой пуризм, лексическая вариативность.

I. Богатство лексического состава любого национального языка, наличие развитой системы национальной научной терминологии по широкому спектру современного знания не только свидетельствует о его номинативных и выразительных возможностях, но и обеспечивает функционирование во всех коммуникативных сферах жизни данного социума. Кроме того, лексическое разнообразие является отражением истории развития национального языка, особенностей его контактов с другими языками, сокровищницей истории и духовной культуры каждого народа и нации. В условиях дву- и многоязычия, а также близкородственного языкового окружения именно национальные лексиконы сосуществующих и взаимодействующих языков формируют их национальное своеобразие и обеспечивают необходимый уровень языкового пуризма (язы-

кового национализма) в конкретных социально-политических условиях становления и функционирования стандартных (литературных) языков и обеспечивают их использование в официальных сферах внутринациональной коммуникации. Именно поэтому богатство словарного состава языка и в первую очередь лексическая вариативность позволяют обеспечить необходимый уровень национального языкового пуризма и номинативные задачи современного социума.

Среди собственно лингвистических, исторических и социолингвистических факторов, обусловивших современное состояние лексической вариативности белорусского языка наиболее существенными являются, безусловно, следующие.

1. Особенности исторического развития белорусского языка, наличие длительной, но прерванной письменной традиции и богатое книжное наследие, что позволило новому белорусскому литературному языку использовать лексическое богатство старобелорусского языка. Так, например, 37-томный „Исторический словарь белорусского языка“ (ГСБМ 1982 – 2017), отражающий лексику памятников старобелорусской письменности XIV – XVIII веков, содержит более 75 тыс. реестровых слов.

2. Народно-разговорная основа современного белорусского литературно-письменного языка, сформировавшегося в XIX – начале XX века. Это обстоятельство обусловило включение в современный белорусский лексикон ресурсов разных диалектных массивов, что также способствовало развитию лексического параллелизма и укреплению национальной специфики белорусского языка в условиях близкородственного дву- и многоязычия.

3. Формирование и функционирование белорусского языка на протяжении XX – XXI века исключительно в условиях близкородственного дву- и многоязычия. Такая ситуация способствовала не только включению в национальный белорусский лексикон полонизмов и русизмов, но и стимулировала актуализацию собственных лексических средств.

4. Современная ситуация государственного белорусско-русского двуязычия, порождающая не только конкуренцию сосуществующих языков в коммуникативном пространстве Беларуси, но и взаимодействие и конкуренцию лексических ресурсов этих языков.

Все это в совокупности обусловило актуальность для белорусского языка как на начальном этапе его формирования, так и в современности проблемы языкового пуризма, связанного, с одной стороны, с внешним и внутренним признанием самого языка как самостоятельного образования, а с другой, формированием достаточной степени национального своеобразия языка на фоне других близкородственных. Достижению этих двух задач, как представляется, в немалой степени способствует лексика национального языка и характер ее лексической вариативности.

О характере и особенностях белорусского национального языкового национализма и пуризма писал в своей книге известный исследователь белорусского языка П. Векслер (WEXLER 1974). Характеризуя его взгляды на особенности белорусского и украинского пуризма, белорусский лингвист С. Запрудский пишет: “В заключительном 14-м разделе книги автор [П. Векслер. – А. Л.] обобщил свои наблюдения над белорусским и украинским пуризмом, а также повторно обратился к обсуждению некоторых теоретических вопросов, в частности, специально осмыслил роль пуризма в развитии литературного языка... П. Векслер сделал вывод, что важными критериями всех случаев направленного вовне пуризма являются временная продолжительность и охват пуристических тенденций, а также необходимость пуризма в развитии того или иного литературного языка. Автор выделил два типа пуризма. Первый имеет место в признанных самим сообществом и внешними наблюдателями языках (например, чешском, фламандском, африкаанс, албанском и др.). Закрытость к чужому материалу в таких случаях с точки зрения признания конкретного языка в качестве самостоятельного несущественна, и, например, турецкий или албанский языки могут вобрать в себя много арабского или турецкого материала соответственно. Второй тип пуризма возникает в языках, независимый статус которых может быть поставлен под сомнение как носителями этих языков, так и многими внешними наблюдателями. Когда существует риск, что какой-либо язык может не только быть заменен другим, но и утратить свой статус отдельного языка, то пуристические декларации имеют тенденцию быть широкими по своему охвату и длительными по времени (Запрудски 2017, 26–27).

Для современного белорусского литературного языка на начальном этапе его формирования в силу прерванности письменной традиции и социолингвистических условий его формирования и функционирования актуальным был именно второй тип языкового пуризма. В тогдашних условиях новый белорусский письменный литературный язык должен был не только формировать свои литературные нормы, но и доказывать свою самостоятельность и „отдельность“ как самим носителям языка, так и „внешним наблюдателям“. Как показывает более чем столетний опыт развития и функционирования белорусского языка, этот второй аспект оказался весьма существенным, а отдельные рецидивы проблемы как внешнего, так и внутреннего признания можно наблюдать и в наши дни. Также в условиях государственного белорусско-русского двуязычия для белорусского языка остается актуальной и проблема сохранения и „демонстрации“ национального своеобразия, как на лексическом уровне, так и с точки зрения графики и орфографии (Лукашанец 2018). Все это в значительной степени определяет пути и особенности формирования литературных норм белорусского языка, в том числе его лексического

состава и лексической вариативности номинативных ресурсов, а также объясняет его реальное место в современной коммуникативной ситуации.

Как представляется, лексическая вариативность современного белорусского литературного языка должна рассматриваться в двух аспектах. Первый аспект – это внутриязыковая вариативность, характеризующая богатство и достаточность собственных номинативных и выразительных средств и обеспечивающая функционирование белорусского языка как государственного языка во всех коммуникативных сферах. Второй аспект – это межъязыковая белорусско-русская лексическая вариативность, обеспечивающая достаточный уровень оригинальности и национальной специфики белорусского лексикона в условиях массового близкородственного белорусско-русского двуязычия.

II. В современном белорусском языке внутренняя лексическая вариативность находит свое проявление на разных уровнях, что позволяет выделить следующие ее разновидности (типы).

1. Фонетико-фонологическая вариативность: *амінь* и *амэн*, *віндсёрфінг* и *віндсерфінг*, *долар* и *даляр*, *камп'ютар* и *кампутар*, *класічны* и *клясычны*, *пафас* и *патас* (интернет-коммуникация), *яўрэй* и *габрэй* и т.д.

2. Словообразовательная вариативность (в особенности в сфере модификационного словообразования): *біблейскі* и *біблійны*, *бізнесаўскі* (*бізнесоўскі*) и *бізнесовы*, *выступальнік* и *выступовец*, *выступленне* и *выступ*, *дысконтны* и *дысконтавы*, *зіхоткі* и *зіхатлівы*, *канцэртны* и *канцэртны*, *пляцак* и *запlechнік*, *рыначны* и *рынкавы*, *коцік* и *каток*, *дочачка* и *дачушка*, *сынок* и *сыночак*, *маленькі* и *маленечкі*, *маладзёжны* и *моладзевы* и т.д.

3. Словообразовательно-грамматическая вариативность: *выступовец* и *выступоўца*, *грантадавец* и *грантадаўца*, *мовазнавец* и *мовазнаўца*, *бізнесовец* и *бізнесоўца* и т.д. Вариативность словообразовательных формантов влияет на вариативность падежных форм, например: *выступовец* – [отсутствие следующего] *выступоўца*, но: *выступоўца* – [отсутствие очередного] *выступоўцы*.

4. Собственно лексическая вариативность (лексическая синонимия и лексическая дублетность): *вадзіцель* (автобуса) и *кіроўца*; *веласіпед* и *ровар*; *мабільнік*, *гутарык* и *далькажык* ‘мобильный телефон’; *тратуар* и *ходнік*; *працэнт* и *адсотак*; *тыраж* и *наклад*; *сабака*, *малпа* и *слімак*; *дача* и *лецішча*; *лагер* и *летнік* и др.

Причины и пути развития лексической вариативности в современном белорусском языке имеют комплексный характер и включают как собственно лингвистические (прежде всего номинативные возможности

системы языка, в том числе и словообразовательные), так и экстралингвистические (исторические и социолингвистические) факторы. Среди наиболее значительных для развития словарного состава современного белорусского языка в плане лексического варьирования тенденций целесообразно выделить следующие.

1. Реализация номинативных (в первую очередь словообразовательных) возможностей системы языка:

а) богатое историческое прошлое белорусского языка, давние традиции письменности и богатое книжное наследие, что в совокупности обеспечило белорусскому языку выработку и закрепление в языковой практике разнообразных и одновременных лексических средств номинации: *дойлід – архітэктар, атрамант – чарніла, асадка – ручка, гута – шклозавод, казальніца – трыбуна, мытня – таможня* и т.д.

Высокий уровень развития старобелорусского языка, возвращение в современное культурное пространство белорусов богатого письменного наследия, формирование научной и фактологической базы сделали возможным не только сохранение в лексиконе современного белорусского литературного языка значительного пласта лексики старобелорусского языка, но и возвращение в активный словарь устаревшей лексики уже в наше время. Исторический словарь белорусского языка, издание которого завершилось в 2017 году, отражает лексику письменных памятников старобелорусской письменности XIV–XVIII веков. Показательным примером данного процесса могут служить лексемы *таможня* и *мытня*. Если пятитомный Толковый словарь белорусского языка (ТСБМ 1977 – 1984) фиксирует только лексические единицы *таможня, таможник, таможны* (сравн. рус. *таможня, таможенник, таможенный*), то белорусские словари последних лет (СБМ 2012) дают только *мытня, мытник, мытны*, являющиеся единственными наименованиями соответствующих реалий в официальном общении. Таким образом, буквально на наших глазах целое словообразовательное гнездо (*таможня, таможник, таможны*) ушло из активного запаса в пассивный, а гнездо устаревших слов *мытня, мытник, мытны*, известных еще старобелорусскому языку, наоборот, возвратилось в активный запас белорусского языка в качестве единственных наименований соответствующих явлений действительности.

б) наличие развитой системы словообразования и параллельное образование дублетных лексических единиц – словообразовательных синонимов: *моцік* и *масток*, *запlechнік* и *пляцак*, *выступовец* (*выступоўца*) и *выступальнік*, *варатар* и *брамнік*, *вучылішча* и *вучэльніа*, *далькажык* и *гутарык* (вместо *мабільнік*, совпадающего с аналогичным русским *мобильник*).

Данный процесс также в значительной степени иллюстрирует тенденцию к национализации лексикона современного белорусского языка

и направлен на избавление от русизмов, или слов, совпадающих с аналогичными лексическими единицами русского языка.

в) параллельное сосуществование заимствований и собственных языковых номинативных производных единиц: *тыпаграфія* и *друкарня*, *рукзак* и *запlechнік*, *спартсмен* и *спартовец*, *юрыспрудэнцыя* и *правазнаўства*, *сабака* (рус.), *малпа* (польск.) и *слімак* (бел.).

Объективно этот процесс также обусловлен усилением тенденции к национализации в белорусском языке и направлен на актуализацию собственно белорусской лексики, способствующей презентации как для внутренних, так и для внешних наблюдателей национального своеобразия белорусского языка в условиях белорусско-русского государственного двуязычия.

г) образование новых номинативных единиц, альтернативных существующим номинациям, имеющим в языковом сознании статус русизмов (белорусский языковой пуризм/национализм): *гулец* (от бел. *гуляць*) вместо *ігрок* (сравн.: бел. *іграць на піяніна*, но *гуляць у футбол* – рус. *играть на пианино*, *играть в футбол*), *заўзятар* замест *балельшчык*, *заўзець* (от бел. *заўзяты* ‘увлеченный’) вместо *хварэць*, *балець* [за футбольную команду] (сравн.: бел. *хварэць* (мед.), *балець* (спорт.) – рус. *болеть* (мед. и спорт.), *мінак* замест *прахожы*, *вітальня* замест *прыхожыя*, *вестыбюль і пачакальня і інш.*

Данный процесс, существенно активизировавшийся в конце XX – начале XXI века, обусловлен современной языковой ситуацией в Беларуси. Белорусско-русское двуязычие и реальное доминирование русского языка в большинстве сфер общения послужило стимулом для актуализации лексических средств белорусского языка, отличающихся от аналогичных русских.

2. Параллельное заимствование лексических единиц из разных языков: *веласіпед* и *ровар*, *партфель* и *тэчка*, *фэстываль* и *фэст*, *гума* и *рызіна*, *мерапрыемства* и *імпрэза* и под.

Активные экономические и культурные связи белорусов в других народами Европы на протяжении многих веков обусловили проникновение в лексику белорусского языка параллельных заимствований из разных языков, а также посредничество разных языков в процессе заимствования.

3. Взаимодействие разнодиалектных систем: *аруд* и *засек*, *бусел* и *бацян*, *калодзеж* (*калодзезь*) и *студня*, *сасна* и *хвоя* и др.

Действие данного фактора обусловлено народно-разговорной основой нового белорусского литературного языка в XIX – начале XX века, следствием чего стало включение в литературный лексикон фактически дублетных лексических единиц из разных диалектных массивов белорусского языка (юго-западного и северо-восточного).

4. Взаимодействие вариантов литературно-письменного языка (литературный язык – тарашкевица): *саюз* и *звяз* (*Еўрасаюз* – *Еўразвяз*), *газета* и *газэта*, *наклад* и *тыраж*, *экзэмпляр* и *асобнік* (*паасобнік*), *працэнт* и *адсотак* и под.

Актуализация данного фактора, влияющего на характер лексического параллелизма в современном белорусском языке, обусловлена таким социолингвистическим феноменом современного языкового пространства Беларуси, как сосуществование двух вариантов белорусского литературно-письменного языка. В 90-е годы прошлого века наряду с официальным белорусским литературным языком – языком школьного образования и официальных сфер коммуникации – в белорусском социуме получила распространение так называемая „тарашкевица“ – параллельный вариант белорусского литературно-письменного языка, ориентированного на нормы белорусского языка 20-х годов XX века и поддерживаемого устной и письменной практикой белорусского зарубежья. В конце XX века этот вариант письменного языка стал доступен белорусскому социуму, что нашло отражение в непосредственной языковой практике и привело к параллельному использованию дублетной лексики.

5. Этно-культурный параллелизм номинативных единиц, затрагивающий прежде всего профессиональную лексику: *царква* и *касцёл*, *прыход* и *парафія*, *епіскап* и *біскуп*, *епіскапскі* и *біскупскі*, *архіепіскап* и *архібіскуп*.

Названный фактор является совершенно естественным для современного культурного поля белорусского социума и сформировался исторически. Он обусловлен длительными традициями сосуществования православной и католической церковью на белорусских землях. Результатом этого сосуществования стала не только религиозная толерантность белорусов, но и развитие лексической вариативности религиозной лексики, а также формирование и параллельное функционирование трех именованных подсистем: православной, католической и народной (национальной) белорусской. Сравн.: *Иосиф* (правосл.) – *Юзаф* (католич.) – *Язэп* (нар. белор.).

Среди основных факторов, определяющих современные масштабы лексического варьирования в белорусском языке, наиболее существенными, таким образом, являются следующие.

1. Изменение концепции понятия „современный белорусский язык“ и расширение его временного диапазона (от начала XX века до современности), а также снятие политических и идеологических ограничений на фактологическую базу (текстовые источники) белорусского литературного языка. Последнее способствует существенному увеличению

разнообразия и вариативности в современной речи лексических средств с последующим закреплением их в лексикографических источниках.

2. Тенденция к национализации, которая в условиях белорусско-русского двуязычия имеет отчетливые черты дерусификации и способствует а) нормативной переоценке словарного состава белорусского языка; б) актуализации собственных номинативных ресурсов языка; в) специфике функционирования иноязычной лексики (например, расширение в современной речи белорусов полонизмов, которые отвечают принципам отталкивания от лексической системы русского языка).

3. Развитие системы национального белорусского языка и актуализация в языковом пространстве белорусов новых подсистем и функциональных стилей („тарашкевица“, молодежный и компьютерный сленг, профессиональный стиль и т.д.).

III. Белорусско-русская языковая вариативность (лексический параллелизм) в условиях государственного билингвизма играет важную роль в манифестации национального своеобразия белорусского языка и обеспечивает его признание как внешними, так и внутренними наблюдателями.

Сравнительный анализ словарных составов русского и белорусского языков позволяет выявить следующие типы соотношений между лексическими единицами в современных белорусском и русском языках (ЉUKASZANIEC 2011).

1. Лексические единицы (исконные и заимствованные, мотивированные и немотивированные), полностью различающиеся в русском и белорусском языках: рус. *карман* – бел. *кішэнь*, рус. *красный* – бел. *чырвоны*, рус. *зеркало* – бел. *люстра*, рус. *комната* – бел. *пакой*, рус. *янтарь* – бел. *буриштын*, рус. *бусы* – бел. *пацеркі*.

2. Лексические единицы (исконные и заимствованные, мотивированные и немотивированные), полностью совпадающие в русском и белорусском языках (системные фонетические различия в данном случае могут не приниматься во внимание как несущественные): рус. *концерт* – бел. *канцэрт*, рус. *рука* – бел. *рука*, рус. *взбудоражить* – бел. *узбударажыць*, рус. *переписываться* – бел. *перапісвацца*, рус. *организация* – бел. *арганізацыя*, рус. *демонополизация* – бел. *дэмананалізацыя*.

3. Лексические единицы, с различными корневыми и совпадающими аффиксальными морфемами.

3.1. суффиксальными: рус. *красноват(ый)* – бел. *чырванават(ы)*, рус. *кармани(ый)* – бел. *кішэні(ы)*, рус. *северн(ый)* – бел. *паўночн(ы)*.

3.2. префиксальными: рус. *безглаз(ый)* – бел. *бязвок(і)*, рус. *поужинать* – бел. *павячэраць*.

3.3. постфиксальными: рус. *гордиться* – бел. *ганарыцца*, рус. *обижаться* – бел. *крыўдзіцца*.

3.4. префиксально-суффиксальными: *бездбрежн(ый)* – бел. *бяскрайн(і)*, рус. *беззащитн(ый)* – бел. *безабаронн(ы)*.

4. Лексические единицы с совпадающими корневыми и различными аффиксальными морфемами

4.1. суффиксальными: рус. *носитель* – бел. *носьбіт*, рус. *сеятель* – бел. *сейбіт*, рус. *читатель* – бел. *чытач*, рус. *принципиальн(ый)* – бел. *прынцыпов(ы)*.

4.2. префиксальными: рус. *беспорядок* – бел. *непарадак*, рус. *уехать* – бел. *паехаць*.

4.3. префиксальными и суффиксальными: рус. *взавраду* – бел. *сапраўды*.

5. Лексические единицы с различающимися корневыми и аффиксальными морфемами: рус. *карманчик* – бел. *кішэнька*, рус. *карманный* – бел. *кішаньковы*, рус. *рассказчик* – бел. *апавядальнік*.

6. Лексические единицы, которым в другом языке соответствуют неоднословные номинации: рус. *казнь* – бел. *пакаранне смерцю*.

7. Лексические единицы с совпадающими корневыми и частично различающимися аффиксальными морфемами.

7.1. совпадают суффиксальные и различаются префиксальные морфемы: рус. *беспокои(ть)* – бел. *непакоі(ць)*.

7.2. совпадают префиксальные и различаются суффиксальные морфемы: рус. *бесстрасти(е)* – бел. *бястрашнасьць*.

8. Однокоренной лексеме одного языка соответствует сложное слово в другом: рус. *алый* – бел. *якра-пунцовы*.

9. Лексемы с несистемными фонетическими (графическими): рус. *аллергия* – бел. *алергія*.

Приведенные примеры различий соотносительных по значению лексических единиц близкородственных белорусского и русского языков как раз и формируют национальную специфику белорусского языка в сравнении с русским. Как можно видеть, эта специфика во многом обусловлена словообразовательными особенностями, что подчеркивает значимость славянского словообразования для формирования национальных лексиконов, обеспечивающих их национальное своеобразие и «отдельность» в глазах внутренних и, самое главное, внешних наблюдателей.

Необходимо отметить следующие существенные особенности развития этих близкородственных языков, которые определяют характер соотношения их словообразовательных систем. Таковыми, по нашему мнению, являются следующие.

1. Близкородственный характер русского и белорусского языков, что обусловило фактическое совпадение основных способов словообразования и наличие очень близкого корпуса словообразовательных средств практически для всех частей речи и основных лексико-грамматических категорий производных слов. Сравн., например, суффиксы одушевленных существительных, образованных от глаголов несовершенного вида: бел. **-Ø** (*баламут*) – рус. **-Ø** (*баламут*); бел. **-Ø(а)** (*абжора*) – рус. **-Ø(а)** (*обжора*); **-ок** (*ігрок*) – рус. **-ок** (*игрок*), бел. **-чык** (*абходчык*) – рус. **-чик** (*перебежчик, наладчик*), бел. **-шчык** (*бунтаўшчык*) – рус. **-щик** (*забойщик, тральщик*), бел. **-льшчык** (*нізальшчык*,) – рус. **-льщик** (*нырляльщик, шлифовальщик*), бел. **-атар** (*агітатар*) – рус. **-атор** (*организатор, аккомпаниатор*), **-ник** (*працаўнік*) – рус. **-ник** (*наёмник*), бел. **-цель** (*вадзіцель*) – рус. **-тель** (*грабитель, учитель*), бел. **-эц** (*тварэц*) – рус. **-ец** (*боец, творец*) и т.д.

Сравн. также префиксы глаголов: бел. **аб-** (*аб'ехаць*) – рус. **об-** (*обкосить*), бел. **вы-** (*вызваліць*) – рус. **вы-** (*вынести*), бел. **да-** (*дачытаць*) – рус. **до-** (*договорить*), бел. **на-** (*назбіраць*) – рус. **на-** (*насобирать*), бел. **над-** (*надрэзаць*) – рус. **над-** (*надпилить*), бел. **па-** (*паехаць*) – рус. **по-** (*побежать*), бел. **пад-** (*падстрыгчы*) – рус. **под-** (*подвязать*), бел. **пера-** (*пераехаць*) – рус. **пере-** (*перевести*), бел. **пры-** (*прыбіць*) – рус. **при-** (*привязать*) и т.д. Такому близкому совпадению словообразовательных средств в немалой степени способствует наличие практически единого корпуса заимствованных словообразовательных средств (в том числе и очень близких по своему составу рядов производных единиц, образованных с помощью этих средств). Сравн., например, только инновации последних лет: бел. *дэнамінацыя, дэпалітызацыя, антыдэмпінгавы, антыкарупцыйны, антыманапольны, антыкрызісны* – рус. *деноминация, деполитизация, антидемпинговый, антикоррупционный, антимонопольный, антикризисный*. Фактическому сближению словообразовательных систем белорусского и русского языков также способствовали процессы интернационализации и русификации словарного состава белорусского языка во второй половине XX века. Сравн., например, образование лиц женского пола по профессии в белорусском языке, которое происходило под непосредственным влиянием русского языка: *наладчыца, крапаўшчыца, адкатчыца, матальшчыца, шліфавальшчыца. мантажніца, армаатурышчыца* и под.

2. Различия исторических путей развития белорусского и русского литературных языков. Опора на книжную традицию русского языка и, как следствие, наличие большого пласта старославянизмов, в том числе и словообразовательных, с одной стороны. А с другой стороны, перерыв письменной традиции и народно-разговорная база нового литературно-письменного белорусского языка. Все это предопределило неодинаковую

продуктивность одних и тех словообразовательных средств в сопоставляемых языках и их различную лексическую сочетаемость (словообразовательную валентность). Например, рус. *учитель* – бел. *настаўнік*, рус. *завоеватель* – бел. *заваёўнік*, рус. *грабитель* – бел. *грабежнік*, рус. *последователь* – бел. *паслядоўнік*, рус. *поджигатель* – бел. *падпальшчык*, рус. *избавитель* – бел. *збаўца* и т.д.

3. Социолингвистические условия формирования нового белорусского литературного языка в начале XX века и особенности его функционирования на современном этапе обусловили актуализацию пуристических тенденций на сохранение и увеличение национально-отличительных черт белорусского литературного языка в первую очередь по отношению к русскому языку. На современном этапе названная тенденция находит свое выражение в тенденции к национализации, которая проявляется главным образом в стремлении к отталкиванию от русского языка. Все это приводит в области словообразования к конкуренции словообразовательных типов в белорусском языке, а также к неодинаковой соотносительности мотивированных единиц. Сравн., например:

- альн-/-ов-: *нармальны* – *нармалёвы*; *цэнтральны* – *цэнтралёвы*;
- альн-/-ав-: *суфіксальны* – *суфіксавы*;
- ыўн-/-ов-: *спартыўны* – *спартовы*;
- енн-/-ов- *фірменны* – *фірмовы*;
- смен-/-овец: *спартсмен* – *спартовец*;
- альн-/-н-: *афіцьяльны* – *афіцыйны*;
- ісцк-/-ов-: *мадэрнісцкі* – *мадэрновы*;
- н-/-ов-: *рэкламны* – *рэкламовы*, *канцэртны* – *канцэртовы*;
- асць/-ын(я): *большасць* – *большыня*;
- енн(е)/-Ø: *дасягненне* – *дасяг*;
- нн(е)/-Ø: *апавяданне* – *аповед* (нават *аповяд*);
- іст/-іст(а): *рэзервіст* – *рэзервіста*;
- к(а)/-анн(е): *размінка* – *размінанне*;
- Ø/-ый: *каментар* – *каментарый*, *парламентар* – *парламентарый*;
- ер/-ант: *міліцыянер* – *міліцыянт*;
- ірава-/-ава-: *функцыяніраваць* – *функцыянаваць* и т.д.

С одной стороны, подобная конкуренция ведет к увеличению в словарном составе современного белорусского языка мотивированных слов, которые по своей словообразовательной структуре отличаются от соответствующих эквивалентов в русском языке: бел. *нармалёвы* – рус. *нормальный*, бел. *цэнтралёвы* – рус. *центральный*, бел. *суфіксавы* – рус. *суффиксальный*, бел. *спартовы* – рус. *спортивный*, бел. *фірмовы* – рус. *фирменный*, бел. *спартовец* – рус. *спортсмен*, бел. *мадэрновы* – рус. *модернистский*, бел. *канцэртны* – рус. *концертный*, бел. *размінанне* – рус. *разминка*, бел. *міліцыянт* – рус. *милиционер*. С другой стороны, подобная

конкуренция внутри белорусского языка усложняет сопоставительное описание системы словообразовательных средств близкородственных языков, поскольку возникает дополнительная проблема соотносительности синонимических словообразовательных типов одного языка с тем или иным словообразовательным типом другого языка.

Таким образом, сопоставительное исследование словообразовательных систем близкородственных русского и белорусского языков должно во главу угла ставить не только и не столько фиксацию совпадающих и несовпадающих словообразовательных средств, или инвентаризацию словообразовательных средств той или иной словообразовательной категории или лексико-грамматического разряда слов определенной части речи, сколько выявление особенностей функционирования этих соотносительных средств в системе словообразования каждого сопоставляемого языка. Поэтому при сопоставительном исследовании (описании) словообразовательных систем близкородственных языков обязательно важно учитывать следующие типы словообразовательных отношений.

1. Наличие соотносительных пар лексем, когда немотивированному слову одного языка соответствует мотивированное слово другого языка: рус. *овощи* – бел. *гародніна* (от *агарод*), рус. *фрукты* – бел. *садавіна* (от *сад*).

2. Наличие разной членимости формально совпадающих мотивированных единиц сопоставляемых языков (следовательно, и выделение в таких парах слов разных словообразовательных формантов): рус. *метелица* (*мести* → *метель* → *метел-иц-а*) – бел. *мяцэліца* (*месці* → *мяц-еліц-а*).

3. Как разновидность предыдущего типа, наличие соотносительных мотивированных единиц с разной „словообразовательной историей“: рус. *спутник* (*путь* → *пут-ник* → *с-путник*) – бел. *спадарожнік* (*дарога* → *па-дарож-нік* → *с-падарожнік*). При этом русскому *путник* соответствует белорусское *вандроўнік*, а белорусскому *падарожнік* – русское *путешественник*.

4. Наличие одинаковых в сопоставляемых языках словообразовательных типов (словообразовательных формантов) с различной продуктивностью: рус. *тель* (*водитель*, *кормитель*, *слушатель*, *читатель*, *преподаватель*, *завоеватель*, *последователь*, *производитель*, *носитель*, *создатель*, *писатель* и т.д.) – бел. *-цель* (*вадзіцель*, *карміцель*, *слухач*, *чытач*, *выкладчык*, *заваёўнік*, *наслядоўнік*, *вытворца*, *носьбіт*, *стваральнік*, *пісьменнік* и т.д.). Последнее свидетельствует о различной морфемной дистрибуции совпадающих в сопоставляемых языках словообразовательных формантов, что также важно учитывать при сопоставительном исследовании словообразовательных систем этих языков.

5. Наличие различной морфной вариативности словообразовательных формантов в русском и белорусском языках: рус. *соучастник*, *соисполнитель* – бел. *саўдзельнік*, але *сувыканаўца*.

6. Наличие межъязыковой омонимии словообразовательных формантов: рус. *уехать* – бел. *ад'ехаць*, бел. *уехаць* – рус. *въехать*.

7. Принадлежность соотносительных словообразовательных типов к различным грамматическим моделям словообразования. Например, в русском языке образование наименований детенышей животных и птиц находится в пределах грамматических моделей **М** → **М** (*волк* → *волчонок*, *заяц* → *зайчонок*, *аист* → *аистенок*, *скворец* → *скворчонок*) и **Ж** → **М** (*лиса* → *лисенок*, *мышь* → *мышонок*, *белка* → *бельчонок*, *сова* → *совенок*). В белорусском языке образование этой категории мотивированных единиц происходит в рамках грамматических моделей **М** → **Ср** (*лось* → *ласяня*, *бабёр* → *бабраня*, *бусел* → *бусляня*, *шпак* → *шпачаня*) **Ж** → **Ср** (*сава* → *савяня*, *качка* → *качаня*, *ліса* → *лісяня*, *выдра* → *выдраня*).

Таким образом, приведенный выше фактический материал свидетельствует, что белорусский язык на протяжении XX столетия выработал целый комплекс лексических средств, обеспечивающих ему национальную специфику и самобытность, а также признание его отдельности как внутренними, так и внешними наблюдателями.

IV. История развития системы белорусского языка и особенности его функционирования в XX – начале XXI столетия в условиях близкородственного двуязычия и близкородственного языкового окружения показывает, что национальная специфика современных близкородственных славянских языков, способствующая признанию их независимого статуса внутренними и внешними наблюдателями, может успешно формироваться за счет их лексического разнообразия, реализации номинативных ресурсов языка, а также внутренней и межъязыковой лексической вариативности. Основными путями достижения этой задачи являются:

а) вовлечение в сферу литературного языка лексического богатства народных говоров;

б) актуализация и взаимодействие различных тенденций современного развития славянских языков (ОHNHEISER 2003) (например, одновременное сочетание тенденции к интернационализации и тенденции к национализации в одном языке);

в) дифференцированное использование собственных словообразовательных ресурсов и лексической вариативности номинативных единиц;

г) вовлечение в современную речевую практику исторического языкового наследия и т.д.

Также важным фактором манифестации национальной специфики соседствующих близкородственных языков служит национальная графика и орфография.

Литература

- ГСБМ: Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1 – 37. Мінск: Беларуская навука, 1982 – 2017.
 [GSBM: Gistorychny sloŭnik belaruskaj movy. Vyp. 1 – 37. Minsk: Belaruskaja navuka, 1982 – 2017]
- ЗАПРУДСКИ, С. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы (1918 – 1941 гг.): вучэб.-метада. дапам. Мінск: БДУ, 2017.
 [ZAPRUDSKI, S. M. Gistoryiā belaruskaj litaraturnaī movy (1918 – 1941 gg.): vuchėb.-metad. dapam. – Minsk: BDU, 2017]
- ЛУКАШАНЕЦ, Аляксандр. Нацыянальная графіка і арфаграфія ў кантэксце міжславянскага моўнага ўзаемадзеяння і ўзаемаўплыву (беларускі вопыт). Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XVI Міжнар. з’езд славістаў (Бялград, 19–27 жніўня 2018 г.): дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі, Беларускі камітэт славістаў. Мінск : Беларуская навука, 2018, стр. 80 – 97.
 [LUKASHANETS, Aliaksandr. Nat’syianal’naiā grafika i arfagrafiā ŭ kantėkstė mizhslaviānskaga moŭnaga ŭzaemadzeiānniā i ŭzaemaŭplyvu (belaruski vopyt). Movaznaŭstva. Litaraturaznaŭstva. Fal’klarystyka: KHVI Mizhnar. z’ezd slavistaŭ (Biālgrad, 19–27 zhniŭniā 2018 g.): dakl. belarus. dėlegatsyi / Nat’s. akad. navuk Belarusi, Belaruski kamitet slavistaŭ. – Minsk : Belaruskaja navuka, 2018, str. 80 – 97]
- СБМ: Слоўнік беларускай мовы (навук. рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак; уклад Н. П. Еўсіевіч [і інш]). Мінск: Нац. акад. Навук, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; Навука, 2012.
 [SBM: Sloŭnik belaruskaj movy (navuk. rėd. A. A. Lukashanets, V. P. Rusak; układ N. P. Eŭsievich [i insh]). Minsk: Nat’s. akad. Navuk, In-t movy i lit. imiā Iā. Kolasa i Iā. Kupaly; Navuka, 2012]
- ТСБМ: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5-ці тамах, 6-ці кнігах. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977 – 1984.
 [TSBM: Tlumachal’ny sloŭnik belaruskaj movy. U 5-tsi tamakh, 6-tsi knigakh. Minsk: Belaruskaja Savet’skaja Ėntsiklapedyiā, 1977 – 1984]
- ŁUKASZANIEC, Aleksander. О некоторых аспектах сопоставительного изучения словообразования в близкородственных языках. В. Elena Koriakowcewa (ред.), Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych. Siedlce, 2010, стр. 81 – 88.
 [ŁUKASZANIEC, Aleksander. О некотorykh aspektakh sopostavitel’nogo izucheniiā slovoobrazovaniā v blizkorodstvennykh iāzykakh. В. Elena Koriakowcewa (red.),

- Aktualne problemy *komparatystyki słowiańskiej* : teoria i metodologia badań lingwistycznych. Siedlce, 2010, str. 81 – 88]
- ОHNHEISER, Ingeborg (red.). Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo/Nominacja. Opole : Uniwersytet Opolski--Instytut Filologii Polskiej i Opolskie Tow. Przyjaciół Nauk, 2003.
- WEXLER, P. N. Purism and Language: A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967). Bloomington: Indiana University Press, 1974.

Александр А. Лукашанец
Национална академија наука Белорусије

ЛЕКСИЧКА ВАРИЈАНТНОСТ КАО ФАКТОР ДИФЕРЕНЦИЈАЦИЈЕ
БЛИСКОСРОДНИХ ЈЕЗИКА (КА РАЗУМЕВАЊУ ПРОБЛЕМА
БЕЛУРУСКО-РУСКОГ УЗАЈАМНОГ ДЕЛОВАЊА И УТИЦАЈА)

Резиме

У раду су размотрена питања лексичке варијантности у савременом белоруском књижевном језику с обзиром на његов историјски развој и савремено стање. Описане су карактеристике типова лексичких варијаната и истражени узроци и путеви њиховог развоја. У раду је показан утицај унутарјезичке лексичке варијантности на развој и карактер међујезичке лексичке варијантности (међујезичког лексичког паралелизма) у условима блискосродне двојезичности. Установљени су основни типови разлика корелевантних по значењу лексичких јединица блискосродног руског и белоруског језика и њихова улога у испољавању националне специфичности белоруског језика у поређењу с руским.

Кључне речи: национални језик, блискосродна двојезичност, језички пуризам, лексичка варијантност.

Alexander A. Lukashanets
National Academy of Sciences of Belarus

LEXICAL VARIATION AS A FACTOR IN THE DIFFERENTIATION
OF CLOSELY RELATED LANGUAGES
(ON THE PROBLEM OF BELARUSIAN-RUSSIAN LANGUAGE
INTERACTION AND MUTUAL INFLUENCE)

Summary

The article considers the issues of lexical variability in the modern Belarusian standard language taking into account the peculiarities of its historical development and function, describes the types of lexical variants and reveals the reasons and ways of their development; it shows the effect of intra-language lexical variability on the development and nature of cross-language lexical variability (cross-language lexical

parallelism) in conditions of closely related bilingualism; the main types of differences between the lexical units of the closely related Belarusian and Russian languages and their role in the manifestation of the national specificity of the Belarusian language in comparison with Russian are established.

Keywords: national language, closely related bilingualism, language purism, lexical variability.